

ПИСЬМА ДЖОРДЖА ТИРРЕЛЯ

*Г-ну Лойсону (отцу Гиацинту)*¹

Сторрингтон, Суссекс, 25 апреля 1907 или 1908 года

Дорогой г-н Лойсон,

Вы простите мне долгую задержку в ответе на Ваше письмо от 5 февраля.

Я думаю, Вы приписываете мне больше мужества, чем у меня есть на самом деле. Даже самые робкие создания будут бороться, если их загнать в угол, – это скорее отчаяние, чем мужество. Я понемногу постиг на опыте, что мужество есть наиболее редкая из всех добродетелей и имеет почти бесчисленное количество подделок. Она присутствовала во Христе, но потерпела полную неудачу в Его Апостолах и их последователях. В своей массе модернисты трусы; но таковы же и все люди в своей массе. Но даже овцы становятся храбрее, когда их много, и я имею надежду, что когда модернистов станет больше, они смогут стать смелее. Я думаю, что храбрость отдельных индивидов не очень действенна в истории, если она не поддержана значительной симпатией общества. По этой причине, мне кажется, что модернисты и не должны проявлять более героизма, чем другие люди, которые не чувствуют поддержки. Хотя я и восхищаюсь теми, кто может встать во весь рост в одиночку, но все-таки ожидаю более значительных и продолжительных результатов от сильной команды людей с обычными представлениями о мужестве. Вне сомнения, они захотят лидера; но такой лидер найдется всегда, когда есть большие силы, которые нужно вести за собой.

*Г-ну Дж. Августину Леже*²

Сторрингтон, Сассекс, 8 ноября 1908 г.

<...> Я часто благодарю Бога, что я не родился и не был воспитан как римо-католик, из-за этого я знаю по собственному опыту, что содержание и наиболее важные истины в религии не обязаны своим существованием Римской Церкви. У нее нет монополии на Небесного Отца, которым и волосы сочтены на наших головах. Тем более Иисус из Назарета не является ее собственностью или изобретением. Если ее учения и институции могут привести нас ближе к Богу, тем лучше. Но если они затрудняют наш доступ, то пусть они уйдут, и я не буду о них сожалеть. Если кто родился и был воспитан католиком, и первичные религиозные и моральные верования слились у него с огромным количеством вторичного и спорного, то для таких католиков оспаривание этого вторичного является настоящим бедствием. И главное, и второстепенное отвергаются вместе. Религия и католицизм, содержание и форма должны разделяться. Мне кажется, что если бы папство исчезло, Исповедь блж. Августина не утратила бы ничего из своей ценности. В настоящем кризисе мы должны отучать себя, насколько возможно, от преходящего и держаться вечных истин католицизма. Папство должно быть либо радикально трансформировано, либо стерилизовано. В последнем случае да будет воля Божья. Кто я, чтобы указывать, Богу как спасти мир? Если бы я верил, что религия является синонимом Римской Церкви, я бы действительно отчаялся. Наука утверждает свои истины, когда у человека есть голова. Религия утверждает себя, когда у него есть сердце.

Искренне Ваш.

*A. F.*³

22 ноября 1908 г.

Лично я с трудом верю, что модернизм, как бы он ни был обоснован в принципе, сможет спасти Римскую Церковь. Было правильно попытаться провести эксперимент, хотя бы только для того, чтобы доказать его тщет-

ность; но поздно готовить лекарство, когда болезнь запущена (*sero medicina paratur cum mala per longas invaluere moras*). Рука Господня рядом, и все еще Он может восстановить семья Авраама из руин Рима. Очевидно, что различие тайного (эзотерического) и явного (экзотерического) обосновывается психологической необходимостью в каждой институциональной религии. Но совсем другое сказать, что оно должно быть принято и организовано, а не подвергнуто сомнению. Всегда будет более глубокое и более поверхностное понимание религии. Но при этом более глубокое и поверхностное не должно противоречить друг другу иначе, чем большее или меньшее. Неужели не очевидно, что различие между модернизмом и общепринятым католицизмом зачастую является различием между однозначным «да» или «нет»? Может ли христианская религия допускать *намеренную* терпимость к ошибкам, лжи и предрассудкам из снисхождения к необразованности масс? Не этой ли терпимости в прошлом мы теперь обязаны смущением, когда правда воспринимается как позор? Имеет ли право модернизм, который в значительной степени является возвратом от эзотерической сложности богословия к экзотерической простоте Евангелия, считать себя тайным учением (*disciplina arcani*)? Не являются ли его методы такими же, какими Христос учил жаждущий народ, в отличие от непонятных тонкостей книжников? Меня просто возмущает мысль, что самое лучшее в религии не должно быть доступно в равной степени всем. Я бы не отделял простой народ, кого Христос освободил такой ценой. Тайны и символы допустимы лишь в той мере, в которой истина не допускает простого утверждения. Для всех нас конечные истины – это загадки, которые могут быть поняты и выражены только в символе. Здесь нет места для разделения доктрин на эзотерические и экзотерические. Опыт показывает в нас самих и во всем мире, которая является добром, и силу, которая является злом. Мы не можем знать, чем они являются на самом деле, как они соотносятся, как объединены. Мы символизируем первое в виде идеализированного хорошего человека, второе – как идеализированного плохого человека. Мы драматизируем их соотношение как конфликт между Богом и сатаной. Победа первого символизирует нашу неискоренимую надежду. Лучшие из нас не могут сделать лучше – так как это есть наша конечная и неизбежная категория. Но имеем ли мы право прятать за мифами и аллегориями те простые истины христианства, из-за недостатка которых гибнут массы? Если мы скажем им, что тело Христа поднялось в небеса, они могут посмеяться над всей религией с пренебрежением. Но если мы скажем им, что Его самопожертвование подняло Его над Его людьми до уровня Бога, они поймут и поверят и будут подражать. Духовная истина евхаристического присутствия⁴ находится в пределах детского понимания; чудо пресуществления⁵ сейчас воспринимается как скандал для самого посредственного разума, и люди выбрасывают зерна вместе с плевелами. Истины, которые появляются на нашем горизонте сквозь дымку символа, затмеваются этой дымкой только тогда, когда они достигают зенита. Когда достигается совершенство, мы отбрасываем то, что несовершенно; нам не нужно тусклое стекло, когда мы можем видеть лицом к лицу. Наш символизм полезен как временное средство для достижения цели, чтобы держать старых и новых верующих в одной общности, до дня, когда новое заквасит старое, тогда будет возможно быть совершенно честным. Так как, во-первых, история Вознесения не была наиболее ранним выражением простой истины морального вознесения Христа. Это было грубой материализацией и сокрытием той истины, которую мы только сейчас учимся дематериализовывать и восстанавливать. Во-вторых, многие наши толкования являются запоздалыми раздумьями, а не воспроизведением истин, затуманенных тем или иным символом. Ладан был дезинфицирующим средством. Алтарное освещение было для того, чтобы видеть ближе. Риза была верхней одеждой. Первоначальное значение забыто. Мы восприняли только мистическое понимание. В боль-

шинстве этих случаев что символизм⁶ делает, кроме как затуманивает то, что является очевидным, в то время как его истинная функция в том, чтобы прояснить то, что неясно? Таким образом, я думаю, что мы правы в том, что имеем символическое понимание Бога, сатаны, ада, рая и в общем метафизических реальностей, но никак не исторических фактов и нравственности.

Мне очень нравится цель вашей предстоящей повести⁷. Нужно в большей степени отдать должное реакционному уму и характеру, которые означают истину и принцип, чему не придают внимания модернисты. Взаимное неуважение молодости и старости друг к другу является взаимной несправедливостью и недальновидностью. Но недобросовестность (*mala fides*) текущего режима нельзя игнорировать или с нею мириться. Я допускаю, что по сравнению со средними своими предшественниками Пий X является морально уважаемым папой, и что он искренне верит в то, что он делает Божье дело. Но в противовес Долингеру⁸ я соглашусь с Лордом Актоном⁹, что мы не должны называть человека хорошим, если он думает, что зло хорошо, или того, кто искренне верит, что цель оправдывает средства, или того, кто негодует, является несправедливым или немилосердным. Чистый релятивизм – это чистый скептицизм; не могут сердце и голова быть так разделены, что первое может быть довольно благоразумным, а вторая довольно испорченной. Кюре из Арса [Святой Жан Баптист Мари Вианней]¹⁰ был такой же необразованный и упрямый, как и Пий X. Но он знал себя самого. Он мог бы представлять Божью волю и дело очень неточно, как и все мы, но он бы не относил к Богу свою собственную несправедливость и немилосердность. Человеческое восприятие Божией воли является критерием для его собственной моральности. Иначе мы все смешиваем и отклоняемся в нравственное безразличие. В искренности не заключается полнота нравственности, как и искренний сатанист не совсем дьявол. Яхве Пятикнижия был образом и критерием порока и добродетели ветхозаветного Израиля. Я бы сказал то же самое про Бога Кальвина или Пия X¹¹; Бог это вечерняя тень человеческой души – ее гротескное продолжение.

*Итальянскому профессору*¹²

14 августа 1908 г.

Анализируя последний год или даже скорее пять лет, я склонен думать, что эта волна модернистского сопротивления утратила свою силу и сделала все, что можно было сделать на данном этапе. Мы убедились на собственном опыте в нашей большой количественной силе, в значительной моральной и интеллектуальной слабости наших оппонентов. Мы доказали, что никакая реформа невозможна на данном этапе, что стремительно приближающееся время готовности к ней еще не настало. Я думаю, мы должны теперь создать у наших противников иллюзию их полной безопасности и заставить их поверить, если получится, что, подавив модернистов, они подавили вместе с тем и сам модернизм. Продолжение текущей активной борьбы препятствует двум процессам: 1) самовысмеиванию непроверенного и не критикуемого Средневековья; 2) спокойному распространению правдивой исторической информации, которая предлагалась бы без какого-либо практического или спорного применения. Настоящая волна протеста как раз и была продуктом этих двух процессов. Как я сказал, его сила пошла на убыль, и нам теперь необходим период затишья для собирания сил для больших и дальнейших усилий. Вызвав *Lamentabili* и *Pascendi*¹³ и сумасбродные декреты Библейской Комиссии¹⁴, происходящая ныне борьба поставила старую систему на путь самоуничтожения, с которого нет пути назад.

К. W. R. H.¹⁵
(1908)

...Иудейский закон, изначально хороший и благотворный, стал впоследствии удушающей тиранией, причиной чего была, главным образом, попытка придать ему неестественное почитание и поддержку, приписывая все его предписания Моисею, и таким образом придавать им некую завершенность и непогрешимость. К чему бы ни призывали последующие изменения, они выводились из того, что уже было дано; из чего ничто не могло быть отменено. Поэтому не только новые поколения были отягощены законодательством, чей смысл существования уже канул в лету, но также их свобода приспособлять законы к своим нуждам была затруднена необходимостью их согласования с множеством устаревших постановлений. Католицизм был убит точно таким же процессом. Его постановления считались не от Моисея, но от Апостолов, и поэтому являлись неизменяемыми и окончательными. Мы не только обременены массой устаревших идей и постановлений, но и не можем из-за них приспособиться к нашим настоящим потребностям. В этих обоих случаях откровение воспринимается как однократное событие на все времена; и его первая и наименее совершенная форма выражения путается с его сущностью. Эта ошибка в равной мере касается тех, кто придает апостольскую античность современным инновациям, а также тех, кто отвергает их как побочные и навязывает апостольскую форму христианства последующим поколениям. Оба допускают один и тот же принцип и различаются только в его применении. Таким же образом, оба воспринимают Бога только трансцендентным и исключают Его собственное участие в жизни и мысли и деятельности общества.

Это вдвойне непростительно в христианстве, которое не только сбросило ярмо закона, но и через свою доктрину всепроникающего Духа нанесло удар сущности подхода легализма. В первоначальной Церкви пророчества и откровения были постоянным процессом; и какой-либо призыв к прошлому не был бы понят. Дух, т.е. воскресший Христос говорил ежедневно и непрерывно через уста пророков. Какая нужда сверять Его настоящие высказывания со сказанными во время Его земной жизни? «Я с вами во все дни», Он сказал. Однако понимание того, что пророческие высказывания были непреложными, окончательными, исчерпывающими, правилом на все времена, никогда не утверждалось. Духов испытывали, сравнивали и критично воспринимали; и окончательным критерием был лишь дух коллективной Церкви. Двусмысленность и загадочность были важны в пророчестве. Дух всегда истинен, но человеческое толкование и высказывание своего внутреннего опыта всегда подвержено ошибкам и видоизменяемо. Но это не было большой трудностью, так как Дух был всегда рядом, чтобы сказать необходимое и предложить толкование как живой, постоянный, откровенный опыт всей Церкви.

С концепцией «веры, однажды данной святым», «*depositum fidei*», все это изменилось; и Духу уже отводилась роль только «помогать» правильному дедуктивному толкованию вдохновенных высказываний Христа и Его двенадцати апостолов; так же он «помогал» раввинам в толковании закона Моисея. Этот принцип принес тот же результат; и католицизм превратился, буквально, в «Новый Закон». Если бы изначально он утверждал свое апостольство как не зависящий от, а имеющий равное влияние с Христом и Его апостолами, будучи воплощением и коллективным олицетворением воскресшего Христа или Святого Духа; если бы он рассматривал свои догматы и институции как имеющие не авторитет апостольского происхождения, а как выражение сверхъестественного, посредством человеческого ума, что может далее совершенствоваться, то путь его развития мог бы быть другим. Луази возможно забывает об этом, когда он

пытается обосновать настоящее развитие католицизма делом вечного Христа. Неправильное понимание «апостольства» значительно исказило это развитие и сдержало свободу почтительным отношением к устаревшим догматичным и институциональным высказываниям. Как временные инструменты и выражение единства, монархичный епископат или папство, возможно, были делом Духа; но превратившись в первичные и неизменяемые атрибуты, они впоследствии затруднили последующее обращение к другим и более подходящим приемам – в равной мере божественным, поскольку имеющим ту же, божественную, цель. Божественность догмата или институции заключается лишь в его способности обеспечить достижение божественных целей, для которых существует Церковь. То, что свято сегодня, не обязательно будет так же свято завтра. Только единство Духа имеет значение, а не согласованность в выражениях или высказываниях. Церковь заблуждалась, имея о себе слишком невысокое, а не слишком высокое мнение, либо гордясь гораздо более низкими титулами, чем она в действительности владеет. Она стала более материалистичной и установила пределы своей вере в Воскресение и в себя саму, как прославленное Тело Христово...

¹ To M. Loyson (Père Hyacinthe) // George Tyrrell's letters. Select. & ed. by M.D. Petre. – L., 1920. – P. 164?–65.

² To Monsieur J. Augustin Leger // Ibid. – P. 96–97. Адресат не установлен, М. Питр называет его в «Life of George Tyrrell» (V. II. – L., 1912. – P. 339) другом Тирреля.

³ Очевидно, Антонио Фогаццаро. А. Ф. // Ibid. – P. 62–65.

⁴ Присутствие Христа в святых дарах.

⁵ Пресуществление во время евхаристического канона хлеба и вина в тело и кровь Христовы (святые дары).

⁶ Тиррель имеет в виду символику церковных богослужений.

⁷ Известно, о какой повести речь, и было ли написано задуманное произведение: 5 апреля 1906 г. в индекс запрещенных книг был внесен роман Фогаццаро «Святой», а через 16 дней в католической газете «Avvenire d'Italia» появилось открытое письмо Фогаццаро, выражавшее его подчинение Ватикану и согласие отречься от «ересей» в своих произведениях.

⁸ Возможно, Иоган Йозеф Дёллингер (1799–1890) – баварский католический священник, богослов, борец против догмата о папской непогрешимости и противник возрождения схоластического богословия.

⁹ Возможно, Джон Дальберг-Актон (1804–1902) – профессор современной истории в Кембридже, поддержавший учение Дёллингера.

¹⁰ Католический святой XIX в. Жан Батист Мари Вианней.

¹¹ Джузеппе Мельхиоро Сарто (1835–1914) – верховный понтифик Римско-Католической церкви с 1903 г.

¹² To an Italian professor // George Tyrrell's letters. Select... – P. 117–118. Очевидно, адресовано итальянскому модернисту, профессору С. Минокки (Salvatore Minocchi). В 1907 г. Тиррель, сообщая о выходе на итальянском «Программы модернистов», с восторгом отозвался и об одной из его брошюр – «Современный кризис католицизма в Германии». (Petre M. Life of George Tyrrell// – P. 356).

¹³ «Lamentabili sane exitu», 1907; «Pascendi Dominici gregis», 1907.

¹⁴ Основана папой римским Львом XIII в 1902 г. как реакция на распространение идей модернизма в библеистике. Вначале Комиссия придерживалась консервативных позиций, рекомендуя в исследованиях опираться на Предание, разрешая, однако, и новые предположения, но при отсутствии свято-отеческого мнения по вопросу и при условии следовании церковному вероучению.

¹⁵ To W.R.H. // George Tyrrell's letters. Select /// – P. 35–37. Адресат не установлен. (Vidler A. The Modernist movement in the Roman Church. Its origins & outcome. – L., 1934. – P. 155).